

В ОККУПИРОВАННОМ ПАРИЖЕ

Общий застой, летаргия искусства, сон театра, паралич творческой мысли, анемия сердца — вот что характеризует художественную жизнь Франции в зоне, оккупированной гитлеровскими бандами.

Положение деятелей французского искусства необычайно тяжело. В большинстве они вынуждены бросать свою профессию, хотя переход на другие специальности также не обеспечивает им средств к существованию.

Единственный вид работы, которую иногда удается еще получить архитекторам, — это восстановление разрушенных зданий и сооружений.

Художники, известные своими демократическими убеждениями, обречены не только на голод, но и на преследования. Такой крупный художник, живописец и график, как бельгиец Франц Мазерель, хорошо известный в СССР, где он пробыл довольно долго в 1935 г., прозябает в Авиньоне без всяких средств к существованию.

Художник с мировым именем — Марке, выехавший в Алжир, был арестован французской полицией этого города только за то, что он когда-то ездил в СССР и участвовал несколько лет назад в культурных мероприятиях Народного фронта. Через некоторое время он был выпущен, но находится под надзором полиции.

Когда схватчики вошли в Париж, Капгра, известный театральный директор и фабрикант фруктовых соков, находящийся в настоящее время в тюрьме за выпуск необеспеченных векселей, предложил оккупантам свои услуги, которые были приняты. Капгра — муж артистки Косеа, прославившейся тем, что она была замешана в громком судебном процессе о политической измене.

Капгра спровоцировал возвращение в Париж нескольких малодушных театральных деятелей и французских драматургов, покинувших оккупированную немцами столицу. Он создал группировку, которая должна была вступить в связь с оккупантами. В области театра оккупационные власти были представлены в то время в Париже незначительным нацистским лейтенантом, которого Капгра водворил в роскошную квартиру известного драматурга Бернштейна.

В результате деятельности Капгра несколько парижских театров возобновили постановки прошлогоднего репертуара.

Это не обошлось без затруднений. Так, например, Жуве и Ренуару запретили возобновление пьес Жюль Ромена (эмигрировавшего в США) и Жироду (комиссара информации и пропаганды в правительстве Даладье). После этого Жуве и Ренуар покинули оккупированную зону без всяких перспектив на возвращение.

Оккупанты пытались заставить театр «Французской комедии» принять труппу нацистских актеров и открыть сезон спектаклями на немецком языке. Временный главный администратор театра Жак Копо начал с ними ожесточенную борьбу. Как-то этой зимой его спросили, что он думает о сотрудничестве с оккупантами. Он ответил с иронией: «Сотрудничество? Пусть! Но при условии, чтобы это не было сотрудничеством колени и зада!» Он добился того, что затея немцев провалилась, и на время они отказались от нее.

Но в конце концов Копо вынужден был уступить место литератору крайнего правого направления, не обладающему ни талантом, ни авторитетом, Жан-Луи Водуе. Оккупанты немедленно добились приема в театр «Французской комедии» немецкой труппы. Последняя с большим шумом приступила к постановке двух шиллеровских пьес при весьма скудно заполненном зале. Нацистские власти не отважились открыть на эти спектакли доступ широкой публике путем продажи билетов, а большинство французов, получивших специальные приглашения, не сочло нужным затрунить себя посещением фашистских спектаклей.

Характерный инцидент имел место в театре «Французской комедии» во время представления «La gabouilleuse» (gabouille — замутить воду, ловить рыбу в мутной воде), старой пьесы, написанной по роману Бальзака «Жизнь холостяка». В последнем акте этой пьесы действие происходит в эпоху реставрации. На сцене собираются резервисты, бывшие офицеры наполеоновских армий. Они тихо,

выполняя поют патристическую песню, в которой дается обещание отомстить угнетателям народа. Зрители встали с мест и, стоя, устроили овацию актерам, которые тшето старались жестами успокоить публику. Крики и пение продолжались долгие минуты. В конечном счете дирекция театра получила приказ выбросить опасный куплет...

Опера также вынуждена периодически принимать в качестве гастролеров немецкие труппы, которые являются в театр, чтобы петь Вагнера. В этих случаях документальный фасад театра, выходящий на длинную, и такую характерную для Парижа, прекрасную перспективу Авеню Оперы, украшается огромной оскорбительной эмблемой — знаменами со свастикой высотой в двадцать метров.

Между тем проворовавший Капгра был заменен в своей должности другим пиратом, полным рвения к интересам оккупантов, знаменитым Требором. Свою готовность услуживать новым хозяевам он немедленно проявил при помощи циркуляров, составленных в духе самого нескрытого расизма. Однако этот первый нацистский «фюрер» театра также впал в немилость, был послан на фронт и заменен более дожимым чиновником, который не говорит по-французски.

Одной из главных забот этой нацистской дирекции является вербовка французских писателей, которые согласились бы писать пьесы, направленные против Англии.

Оккупанты пытаются придать парижской театральной жизни видимость оживления. Но тшето! Спектакли плохо посещаются. Наибольшим успехом пользуются мозаик-холлы, где выступают голые проститутки и где зрительный зал всегда полон раскрасневшимися гитлеровскими молодчиками.

Фашистские кинофабриканты пытаются использовать конъюнктуру для того, чтобы завоевать французский рынок и вытеснить американские фильмы. За исключением нескольких документальных фильмов, отличающихся вульгарной «научностью», т. е. за исключением отрасли, уже давно развиваемой немецким кино, эти нацистские фильмы не имеют успеха. Французская публика, даже независимо от политических соображений, находит эти фильмы тяжеловесными, скучными, наивными, отсталыми по технике. Я вполне с этим согласен. Я был буквально потрясен ужасом этой продукции.

Демонстрация кинохроники «текущих событий» часто вызывает антифашистские манифестации со стороны публики. В ответ на это нацисты закрывают кинотеатры. Чтобы избежать таких репрессий, директора кинотеатров всеми средствами стараются сдерживать зрителей. Во время показа хроники в зале включается свет и полицейский чин или служащий кино дежурит среди публики, высматривая малейшие признаки нежелательных демонстраций. Нельзя обменяться парой слов с соседом без того, чтобы немедленно не подосесть встревоженный наблюдатель. Вследствие невозможности открытой демонстрации смехом, криками или свистом публика воспользовалась в этом году, как предлогом, суровой погодой и отсутствием отопления и раздражается во время демонстрации кинохроники жесточайшими приступами кашля. Однажды полицейский обратился при этом к «кашлявшей» публике с таким призывом: «Ну, господа, не кашляйте же так, поступайте, как я — сдерживайтесь!» Это замечание привело публику в хорошее настроение, и она наградила полицейского ироническими аплодисментами.

Для того чтобы организовать выпуск новых кинофильмов, немцы усиленно стараются вернуть в оккупированную зону возможно большее количество кинофабрикантов, кинодраматургов и режиссеров. Они хотят иметь возможность полностью контролировать французские фильмы в политическом и коммерческом отношениях. Результаты недвусмысленны: то, что появляется на экране в качестве новых французских фильмов, чрезвычайно убого.

В искусстве, как и повсюду, фашизм убивает все, к чему прикасается

Жан-Ришар БЛОК